

МАСТЕРИЦЫ СЫСНОГО ДЕЛА · КНИГА ПЕРВАЯ

НЕ ПЛЮЙ В КОЛОДЕЦ

Дело о мёртвом бароне



ЛЮДМИЛА ШИГАПОВА · АРТУР ШИГАПОВ

**Артур Шигапов
Людмила Шигапова
Не Плюй в Колодец.
Дело о Мертвом Бароне.**

*<https://litres.ru/74240347>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Сестры Лада и Лина Неплюевы считают скуку вульгарной, уныние пошлым, а неведение - смертным грехом. В заветном шкафу красного дерева хранится вся подноготная столичного дворянства и сорок два тома летописи светской жизни Санкт-Петербурга. Очередной, сорок третий, начинается с приезда таинственной незнакомки, апоплексического удара и рюмки анисовой водки, которую ни при каких обстоятельствах при жизни не пил мертвый барон...

Уютный исторический детектив с юмором и двумя дерзкими старыми девами вместо сыщиков.

Содержание

Глава Первая, в которой сестры Неплюевы распутывают непростую интригу, а в особняк Графини Верейской прибывает таинственная незнакомка.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Артур Шигапов, Людмила Шигапова Не Плюй в Колодец. Дело о Мертвом Бароне.

**Глава Первая, в которой
сестры Неплюевы распутывают
непростую интригу, а в особняк
Графини Вереysкой прибывает
таинственная незнакомка.**

Август ленивой мухой полз по оконным стеклам Санкт-Петербурга. Вторую неделю город маялся зноем, вынуждая жителей, пусть неохотно, но изменять столичным привычкам: до тех пор, пока солнце, сжавившись над раскаленными крышами домов, под которыми изнемогали их обитатели, не опускалось за горизонт, никто не наносил визитов, не совершал променадов, не посещал лавок. Даже экипажи проезжали так редко, что подозрительно белый для пыльной улицы кот, неживший косточки на нагретом булыжнике мостовой,

мог проспать без малого с утра до обеда, ничуть не рискуя оказаться потревоженным копытами лошадей.

И лишь владелицы кота, а по совместительству и двухэтажного особняка на углу Миллионной и Аптекарского переулка продолжали строго следовать установленному в их доме распорядку – сестры Лада и Лина Неплюевы пребывали в полной уверенности и исключительном праве считать, что непогода отнюдь не является достаточным основанием нарушать традиции. Потому, испив по обыкновению горячий индийский чай (Лада с мятой, Лина с чабрецом), обе дамы весьма почтенного вида и весьма схожей наружности расположились в креслах у высокого окна северной гостиной и занялись полуденным вязанием.

Лада Неплюева вязала быстро, громко ударя спицами одна о другую, будто те были в чем-то виноваты. Лина Неплюева вязала медленно и вдумчиво, будто спицы были в чем-то правы, но она пока не решила, в чем именно.

— Я считаю, — начала Лада, не поднимая глаз от рукоделия, — что Ермолина в четверг надела черное платье не из скорби, а для того, чтобы скрыть располневшую талию.

— Именно, — согласилась Лина. — А все решили, что это в знак траура по дядюшке.

— Дядюшка, — заметила Лада, — преставился два года назад и, сколько я помню, при жизни Ермолину терпеть не мог.

— Мари Неглинская, — продолжала тем временем Лина,

— намедни танцевала два раза с корнетом Красавиным.

— Корнет Красавин, — подхватила Лада, — хоть и хорош собой, беден как церковная мышь, а посему охоч до богатых приданниц.

— Неосмотрительно.

— Крайне неосмотрительно.

Сестры помолчали, перекладывая клубки на колени.

Внешне Неплюевы были совершенно одинаковы: прямой заостренный к кончику нос, выгнутая в извечном удивлении правая бровь и неодобрительно вздернутая левая, живые серые глаза, имеющие привычку всегда оценивающе щуриться, независимо от того, попадал в их поле зрения предмет, или же человек, и тонкие губы, знавшие три основные улыбки: ехидную, сардоническую и снисходительную. Стоит отметить, была еще и четвертая, удивительно теплая, но она предназначалась лишь ограниченному кругу близких людей.

Батюшка их, боярин Матвей Неплюев, царствие ему небесное, встретил реформы государя Петра Алексеевича с таким восторгом, что обрил бороду в числе первых во всем государстве, чем немало напугал матушку, и в порыве просвещенного рвения назвал новорожденных двойняшек на греческий манер: Эллада и Эллина. К зрелым годам от торжественных имен остались только домашние сокращения — Лада и Лина, но дух отцовского усердия в дочерях не угас: обе твердо считали, что порядок в обществе превышает гармонию в их собственном гардеробе, где хранились наряды са-

мых невообразимых цветов, сочетаний и оттенков. Невзрачность сестры считали смертным грехом, и ни за что не надели бы платье, если оно не шуршало при каждом шаге, или не отливало радугой богатой отделки. Лада тяготела к малиновому с зеленым, Лина - к оранжевому с лиловым. Впрочем, собственные весьма своеобразные пристрастия не мешали иметь им безукоризненный вкус, когда дело касалось обсуждения чужих нарядов.

За минувшие тридцать лет Неплюевы, собрав вокруг себя избранных кумушек и матрон, создали нечто вроде тайной коллегии при петербургском свете. Все, от юной дебютантки до чопорной генеральши, знали: без их одобрения не открывался ни один сезон, не заключался ни один приличный брак, не прощался ни один скандал. В особом шкафу красного дерева хранились записные книжки, числом уже сорок две, куда заносилось решительно все: кто с кем танцевал, кто на кого посмотрел дольше приличного, чьи долги превышают доходы, а чья добродетель, как и драгоценности, фальшива.

— Лада, ты опять сбилась, — сказала Лина, не поднимая глаз от своих спиц. — Я чувствую по тому, как ты сопишь.

— Я не сопела, я сосредотачивалась, — отрезала Лада, но спицы все равно упали на колени. — Какая вульгарная жара! — пожаловалась она, покачиваясь в кресле. — До сего дня я была уверена, что пот — удел негодяев и застигнутых врасплох любовников. А сейчас, — она провела по лбу рукой, —

вот, полюбуюсь...

Лина взглянула на блестящую влагой ладонь сестры, повторила ее жест и тоже показала ладошку, демонстрируя, что ничем от нее не отличается и испытывает точно такие же неудобства. Немного подумав, она глубокомысленно заявила:

— Но согласись, дорогая, скука — явление куда более вульгарное. Уже который день не происходит ровным счетом ничего сколь-нибудь знаменательного!

Лада кивнула и заговорщицким шепотом предположила:

— Сегодня так тихо, что мне кажется, все вымерли, и мы остались одни в Петербурге. — Она хотела еще что-то сказать, но в этот миг на улице раздался стук копыт и скрип рессор — звуки, на которые обе сестры среагировали с быстрой борзых собак, заведевших зайца.

Перестук спиц был немедленно оставлен. Неплюевы вскочили с кресел. Сделали они это так поспешно, что вязание полетело на паркет, отчего клубки, оранжевый и зеленый, петляя и путаясь, мстительно укатились под стоявший у стены секретер.

К соседнему особняку графини Вере́йской подъезжала карета. Не новая, но добротная и без гербов на дверце, что само по себе примечательно: люди без герба, по глубокому убеждению Неплюевых, либо бедны, либо хотят казаться таковыми, что куда подозрительнее открытого хвастовства.

— Кучер чужой, — заметила Лада.

— И лошади наемные, — добавила Лина. — С почтовой станции, не иначе.

Дверца кареты отворилась, и на мостовую ступила молодая женщина в сером дорожном платье. Она обернулась, чтобы принять из рук кучера сначала один чемодан, затем другой, и, отказавшись от дальнейшей помощи, сама понесла их к крыльцу, что для барышни было совершенно не принято.

Сестры Неплюевы придвинулись к стеклу так резко, что чуть не столкнулись лбами.

— Никакой горничной, — прошептала Лада.

— Никакого сопровождения, — эхом откликнулась Лина.

— Два чемодана.

— Два чемодана, — повторила Лина уже с явным интересом в голосе, — и оба, судя по походке, пустые.

Девушка на мгновение замерла у крыльца дома, взглянула, как показалось обеим сестрам одновременно, прямо на их окно, затем отвернулась и скрылась за дверью.

Вскоре на Миллионной улице вновь стало безлюдно и так тихо, словно появление таинственной незнакомки у дома одинокой графини было лишь миражом, навеванным полуденным маревом.

Поняв, что на сегодня увидели достаточно, и ничего более примечательного уже не произойдет, сестры нехотя отошли от окна, намереваясь вернуться к рукоделию. Но им помешали.

— Людовик !— возмущенно начала Лина.

— Ваше величество! — укоризненно закончила Лада.

Посреди гостиной вальяжно развалился кот, потревоженный-таки экипажем, а потому решивший вернуться в дом, где и обнаружил без дела лежавшие клубки пряжи. Кот, не сомневаясь, что все, оказавшееся на полу, является его законной добычей, выудил их из-под секретера и, заиграл так, что бесповоротно запутал.

— Сложную интригу предстоит нам распутать — пробормотала Лина, осматривая беспорядочное переплетение шерстяных нитей.

— Нет ничего сложного, когда за дело берутся сестры Неплюевы, — подбодрила ее Лада. Она бережно перенесла не ставшего возражать кота, носившего то ли вопреки, то ли благодаря своему несносному поведению королевское имя, на специально отведенный его пушистому величеству пуф и скомандовала: - Тебе, Лина, оранжевый, мне - зеленый.

И, не умевшие унывать сестры, с энтузиазмом выехавших на пленэр гимназисток принялись разматывать пряжу. Через каких-нибудь полчаса Неплюевы основательно выбились из сил. Пот со лба Лады спустился на самый кончик ее носа и повис там сверкающей каплей.

— Я похожа на промокшую цаплю, — скашивая глаза к переносице, проворчала прагматичная Лада.

— Ты похожа на утренний цветок, тронутый росой, — утешила ее романтическая Лина.

— Пожалуй, даже не стану спорить, — смирилась Лада,
— что ни говори, а цвет лица у нас благородный.
— И свежий, — согласилась сестра.
— Это от чая с румяной сдобой и земляничным вареньем.
— Распоряжусь подавать...

Когда слуги накрыли чайный столик и установили его между хозяйских кресел, Лина пересчитала принесенные рогалики:

- Ровно семь, - довольно кивнула она и протянула второй Ладе. Сестры всегда просили еды в нечетном количестве, съедали поровну, а последний кусок делили пополам.

Горячий напиток разлился по жилам, и разомлевшая Лада блаженно вытянула ноги, жест, который Неплюевы несомненно порицали в обществе, но позволяли себе в стенах собственного дома.

— Распутать дело, не всегда означает действовать с наскоку и в лоб, — сказала она, кивая на продолжавшую находиться в полном беспорядке пряжу.

— Иногда полезно зайти с другой стороны, — Лина уже уловила идею сестры и была полностью с ней согласна.

— Не жалко?

— Ничуть.

И сестры с аккуратностью отмеряющего микстуру аптекаря принялись распускать вязание. Менее чем через час два объемных клубка лежали на столике. Лада взяла их, не забыв прихватить спицы, и сложила в стоявшую на комод у

шкафа корзинку. Убирая пряжу, она погрозила пальцем Людовику, хищно выпустившему когти. Кот зевнул, прыгнул с пуфа, потянулся и с венценосной вальяжностью прошествовал прочь из гостиной.

— Пора? — спросила Лада, распахивая резные дверцы шкафа.

— Самое время! — кивнула Лина и прошла к секретеру.

Лада сняла с полки небольшую книжицу в тисненном кожаном переплете, и, раскрыв, положила перед сестрой. Лина поставила на первой странице порядковый номер — сорок три, а на следующей вывела крупным почерком:

«Особняк Верейских. Незнакомка. Два чемодана. Выяснить обстоятельства».

— Селивана позвать, — сказала она затем, — пусть узнает у дворни, кто такая.

— И откуда взялась, — добавила Лада.

— И что в чемоданах.

Обе сестры переглянулись с одинаковым выражением на похожих лицах — выражением людей, которые только что обрели самое интригующее, что может предложить петербургское лето: чужую загадку.

Селиван — в одном лице слуга, кучер и посыльный сестер Неплюевых, человек средних лет и бравой наружности, с открытым, едва тронутым парой оспин лицом, деятельный, под стать хозяйкам, и от природы наделенный талантом узнавать чужие дела быстрее, чем сами эти дела успевали случиться,

вернулся со двора Верейских уже к вечеру с докладом столь скучным, что Лада едва не отправила его обратно.

— Компаньонка, — доложил Селиван, переминаясь с ноги на ногу. — Нанятая. Старая графиня совсем плоха здоровьем, вот и выписала себе барышню для призора, сопровождения, чтения вслух да для писем.

— Имя?

— Ирина Карповна. Фамилии не упомянул, ваши милости, дворня и та толком не знает — прибыла из Тверской губернии, кажись, из благородных, только, кухарка бает, слыхала от госпожи, что компаньонка та родни никакой не имеет.

— Бедная сирота при богатой старухе, — подытожила Лада.

— Дело нехитрое, — согласилась Лина, — но скучное.

— Тем не менее, — Лада уже поднималась, отряхивая юбку, — нанести визит необходимо. Графиня месяц как не выходит, будет рада обществу.

— И новостям из жизни этого самого общества, — Лина позволила себе едва заметную улыбку, — А мы будем рады, рассмотреть поближе пресловутую Ирину Карповну.

— Отправимся прямо сейчас?

— И подадим повод считать нас старыми суетливыми сплетницами? Родная, пусть нам на двоих и век с хвостиком, подобное никоим образом не допустимо!

— Значит, завтра.

— Непременно завтра! И непременно не раньше

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.